

СЛОВО В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА

Хотя язык Платонова явно отличен от языка его современников, он имеет и точки соприкосновения с ним. В нем своеобразно воплотились поиски нового языка, под знаком которых прошло начало и двадцатые годы XX в. В это время популярной была идея затрудненной формы, которая вызвала к жизни заумный язык, словотворчество. Наиболее влиятельной в это время была орнаментальная проза, многие писатели 20-х гг. переболели Андреем Белым. Овообразии орнаментальной прозы обусловлено нагнетением разнотипных тропов и развитием лейтмотивов. Отголоски словоупотребления, характерного для прозы начала XX в. и, в частности, орнаментальной прозы, есть и в прозе А. Платонова.

Некоторые сочетания платоновского повествования отсылают к поэзии и прозе начала века. Это:

- 1) синестетические сочетания: душная тишина хаты; теплая тишина тьмы; прохладная прозрачность; звон белого солнца ("Чевенгур"), в частности, необычные сочетания с цветовыми прилагательными: чистые, голубые, радостные сны видел он ("Потомки солнца"), синяя тишина ("Сокровенный человек"), черная тишина ("Чевенгур"), серый покой тихой комнаты ("Город Градов"), онее лето ("Котлован"),
- 2) сочетание метафоры и метонимии признака: На дальнем горизонте, почти на небе, блестящая серебряной фантазией резкая живая полоса, как снег на горе ("Епифанские шлюзы"), Дерево... берегло зеленую страсть листвы на больных ветках; Он шел среди серой грусти облачного дня ("Чевенгур"),
- 3) отвлечение эпитета; отвлеченные существительные на -ние, -ость, вытеснившие атрибутивные сочетания: у обоих была чернота волос и жалостность в теле; Захару Павловичу досталась пустота двух комнат; Над пустынной бесприютностью степи встало вчерашнее утомленное солнце; солнце входило над скудостью страны ("Чевенгур"),
- 4) качественные наречия, которые соотносятся не только с глаголом, но и с существительным: Вечерние тучи немощно, истощен-

но висели ("Чевенгур"), Мужж... усердно питаюсь, сыто летали среди снега, нисколько не остужаясь от него ("Котлован"), 5) необычное употребление творительного падежа, при котором он обозначает реальный субъект действия. Творительный падеж обозначает часть целого: К ней (избушке) подходила девушка и маячила в синем сумраке краснотой юбкой ("Маркуш"), ...глубоко в землю вонзались фундаментами тяжкие корпуса заводов ("Потомки солнца"), Кондаев гремел породистыми, длинно отросшими руками; Прокофий обернулся своим умным надежным лицом ("Чевенгур"),

6) сочетания, основанные на звуковой близости: отстраняя порочную книгу прочь; котел еще катился по степи; торопимый общим терпением; простыне пространства; в пустом и постном Чевенгуре; крестьянские кресты; семя размножения, чтобы новые люди стали семейством; под нужды семи семейств; с именами собственными: Про Дванова все забыли, и он двинулся пешком на Лиски ("Чевенгур").

С орнаментальной прозой сближает прозу Платонова некоторые типы метафор: генитивные метафоры (парус революции, трюм одиночества, утюг труда, сиртук скуки), развернутые метафоры.

Использование некоторых устойчивых образов отсылает к литературной традиции: Небо сияло голубым дном, как чаша, выпитая жадными устами ("Ямская слобода"), ...его мысль исчезла от поворота сознания во сне, как птица с тронувшегося колеса; ... сердце сдало, замедлилось, хлопнуло и закрылось, но — уже пустое. Оно слишком широко открывалось и нечаянно выпустило свою единственную птицу ("Чевенгур"). К традиции отсылает и передача чувств и внутренних состояний и т.п. через образы огня, воды, цветения, в частности, глагольные метафоры такого характера, которые употребляются и в ранней, и в поздней прозе А.Платонова: В нем всегда горела энергия; сердце горело любовью; В нем цвела душа ("Потомки солнца"), во мне мгновенно сгорела душа ("В прекрасном и яростном мире").

С творчеством предшественников и современников связывает Платонова не только характер отдельных тропов, но и способы их возникновения и использования в тексте. Как и у других писателей XIX—XX вв., источник метафор и сравнений у Платонова — реалии изображаемого мира: Ночь ушла как блестящая кавалерия,

на землю вступила пехота трудного походного дня ("Чевенгур"). Развернутый троп в повести "Сокровенный человек": Как почтовый чиновник, он не принимал от природы писем в личные руки, а складывал их в темный ящик обросшего забвением сердца, который редко открывают — опирается на конкретную ситуацию: Целую ночь он отдыхал от творчества, а утром пошел на почту сдавать письмо. — Брось в ящик! — сказал чиновник, — У тебя простое письмо. Реалии изображаемого мира — источник сквозных образов, связывающих разные планы изображения (озеро, сирота в романе "Чевенгур").

Традиционные образы и приемы словоупотребления, имеющие соответствия у предшественников и современников Платонова, оказываются у него в необычном окружении. Например, традиционное сравнение моря с зеркалом оказывается рядом с типично платоновским оборотом: для загляденья: ... море уже было не то. Спокойное зеркало его, созданное для загляденья неба, в тихом испуге смешало отраженные видения ("Сокровенный человек"), ср. предавался загляденью на них ("Чевенгур"). В специфически платоновское окружение попадают и другие рассмотренные приемы, например, отвлечение эпитета: с высоты крыльца он видел лунную чистоту дадекого масштаба, печальность замершего света и порочный сон всего мира, на устройство которого пошло столько труда и мученья, что всеми забыто, чтобы не знать страха жить дальше ("Котлован").

Загруженная форма у Платонова имеет иной характер и иное происхождение, нежели у его современников. Платонов почти не обращается к диалекту, к новообразованиям; из устаревших слов его устойчивое внимание привлекает слово забвенный (забытый), которое включается в разнообразные сочетания: вспоминал одни забвенные, бесполезные события; забвенная страна, забвенное дерьмо, забвенная трава.

В основе повествования Платонова лежит книжная речь, неоднородная и многосоставная. Она вбирает в себя множество отвлеченных существительных. Отвлеченные существительные входят в состав многочисленных генитивных конструкций, в частности, конструкций, при помощи которых рисуется внутренний мир человека: тоска тщетности, с терпением любопытства, с трепетом опасности, робость уважения, с удовольствием уничтожения, в

слабости изнеможения ("Котлован"). Отвлеченные существительные в разных конструкциях вытесняют слова других частей речи. Это и конструкции с отвлечением эпитета, о которых уже шла речь, и конструкции, в которых отвлеченные существительные вытесняют глагол: А над ними было высокое стояние ночных облаков... ("Чевенгур").

Именно внутри книжной речи, в которой нет места для оговорок, обмолвок, происходят разнообразные деформации, создающие эффект странности. Новый язык Платонова возникает в результате перестройки литературного языка и нормативного повествования, в результате смещения привычных языковых связей и на их фоне. Для Платонова характерна непредсказуемость соседнего слова, особенность, которую хорошо знают машинистки. Разные словосочетания Платонова в разной степени удалены от своих языковых прототипов.

Необычные сочетания – результат свертывания словосочетаний и предложений: имущественный сундучок ("Котлован"), сонное место; Когда Саше надоело ходить на работу, он успокаивал себя ветром, который дул день и ночь ("Чевенгур"). Придаточному предложению соответствует оборот с отвлеченным существительным: Наконец поезд уехал, постреливая в воздух – для испуга жадных до транспорта мешочников ("Сокровенный человек"), Копенки... прошиб стекло – для лучшего наблюдения Розы; приоткрыл рот для лучшего слуха ("Чевенгур").

Противоположный процесс – разворачивание сочетаний, в результате чего возникают тавтологические сочетания: Козлов и сам умел думать мысли; Должно быть, он постоянно забывал помнить про самого себя и про свои заботы ("Котлован"), летний день стал смутным, тяжким и вредоносным для зрения глаз ("Мусорный ветер"), ... они превратились в других людей – они выросли от возраста и поуменьли ("Река Потудань"). Обращает на себя внимание повторяемость некоторых моделей: Чепурный ничего не думал в уме ("Чевенгур"), Филат работал спешно во всяком деле ("Ямская слобода"), душа ее жила в жизни ("Такыр").

Некоторые слова и обороты в прозе Платонова на первый взгляд представляются избыточными. На самом деле эти слова меняют масштаб изображения, придавая подчеркнутую значительность бытовым фактам: Сквозь сумрачную вечернюю осень падал дождь,

будто редкие слезы, на деревенское кладбище родины ("Чевенгур"). Избыточные на первый взгляд союзы и предлоги потому что, чтобы, для, от, "объясняющие, мотивирующие и растягивающие" речь, как писал С.Г.Бочаров, "сверх своего ближайшего значения... строят картину мира, имеющего назначение, проникающего целесообразностью и осмысленностью" [Бочаров 1971, 348].

Изменяются синтаксические отношения между словами: из носа и глаз точилась произвольная влага; он опечалился глазами; собаки взвыли голосами тревоги; Дуло от утреннего ветра ("Чевенгур"). Необычные сочетания возникают в результате контаминации: Дотронулся руками к костяному своему лицу; и ему было тоскливо и задумчиво ("Котлован").

Множество необычных сочетаний возникает в результате замены одного слова другим. Наиболее отчетливы связи исходного и нового тогда, когда слово заменено однокоренным словом: дефективная граната (дефектная), нелюдимая ночь (безлюдная) ("Чевенгур"), Чиклин сказал, что овраг — это более чем пополам готовый котлован (наполовину); вглядывался в чуждые и знакомые глупые лица (чужие); Краткое тело Жачева (короткое), Чиклин снял с себя всю верхнюю одежду, кроме того отобрал ватные пиджаки у Жачева и активиста и всем этим теплым веществом закутал Настю (вещами) ("Котлован"). Обычное и необычное сочетание такого типа употребляются одновременно: голосовать напротив — голосовала против ("Чевенгур").

Слово заменено синонимом, частичным синонимом, словом, семантически близким: Машинист и Пухов пили и жевали все напролом (подряд); Крыша вокзала гремела железом, отстегнутыми ветром (оторванными) ("Сокровенный человек"), В нем поднялась едкая теплота позора за взрослых (стыда); как внезапного врага (неожиданного); многих прочих (других); жить в прошлых Храмах (бывших); босое место (голое) ("Чевенгур"), рябой по названию Петр (по имени) ("Усомнившийся Макар"), ... томимый своей последовательной тоской (постоянной) ("Котлован").

Замены такого рода распространяются не только на отдельные словосочетания, но и на целые гнезда слов. Вместо старческий используется слово старый: спросил старый голос прибывшего человека ("Чевенгур"), вместо старый — старческий: смиренная старческая деревня; старческие, терпеливые плетни ("Котлован"),

устаревший: у него заболело сердце от вида устаревших, небольших домов ("Река Потудань"), вместо ветхость – старость: От зноя не только растения, но даже хаты и колья в плетнях быстро приходили в старость; ... поднималось солнце и в скорое время превращало всю землю и деревню в старость, в запекающую сухую злобу людей ("Чевентур"), вместо ветшь – ветхость: Эта истершаяся терпеливая ветхость некогда касалась бабраккой, кровной плоти... ("Котлован"). Сочетания с подобными словами могут иметь метафорический характер: туманная старость природы; Теперь же воздух ветхости и прощальной памяти стоял над потухшей пекарней и постаревшими яблоневыми садами ("Котлован"), Прошел день, ночь, и новый день уже постарел ("Ямская слобода"). Некоторые необычные сочетания заполняют клетки, оставленные в языке пустыми. Сочетания старей голос, пожилой голос воспринимаются на фоне сочетаний старческий голос, молодой голос.

Тяготение к отвлеченному (Свительский 1970) обуславливает своеобразные отношения между родовыми и видовыми обозначениями. Видовое и родовое обозначения сосуществуют. Между ними, как и в языке, существуют отношения включения: в излзших растениях – лопухах и репьях ("Ямская слобода"), на них росла непшыная растительность: худая, изящная бероза и скорбящая певучая осина ("Эпифанские шлюзы"), Редкие птицы взлетали над пустырями и сейчас же садились над своей пищей – осыпавшимися, пропавшими зернами ("Чевентур"), дерево – деревянное растение ("Мусорный ветер"). Родовое и видовое обозначения используются и как синонимы: Молотобоец попробовал мальчишку за ухо, и тот вскочил с горшка, а медведь, не зная, что это такое, сам сел для пробы на низкую посуду; Обычно он приезжал верхом на коне, так как экипаж продал в эпоху режима экономии, и теперь наблюдал со спины животного великое рытье ("Котлован"). Кроме того, родовое и видовое обозначения объединяются в рамках однородных членов: с разными девушками и людьми; Почти все девушки и все растущее поколение с утра уходили в избу=читальню; Стороною шли девушки и юношество в избу=читальню ("Котлован").

Нейтральное обозначение человека или людей заменяется охнекдохой; используются собирательные существительные; Явив-

шись, он молча сел и начал листовать разумные бумаги. Сослуживцы дико смотрели на новое молчаливое начальство... ("Город Градов"), Кулачество глядело с плота в одну сторону - на Жачева...; Колхоз, не прекращая топчущейся, тяжелой пляски, тоже постепенно запел слабым голосом; Колхоз непоколебимо спал на Ордворе ("Котлован"). Повторяясь, слова такого типа связывают речь автора и речь персонажа: - Так ты, Прош, спи, а я к пролетариату схожу, - с робостью сказал Чепурный. ... Тогда Чепурный ... пошел на тот край Чевенгура, против которого был курган, где спал пшши пролетариат ("Чевенгур").

Отвлеченные существительные, обозначающие в общем языке состояния, начинают обозначать совокупность вещей: Он собрал по деревне все нищие, отвергнутые предметы, всю мелочь безвестности и всякое беспамятство ("Котлован").

Одна из распространенных разновидностей замещения - вытеснение общеупотребительного слова книжным, канцелярским: На стенах вокзала висела мануфактура с агитационными словами ("Сокровенный человек"), вывеска с полусмытыми атмосферными осадками надписями; Ночь допевала свои последние часы над лесным Биттермановским массивом ("Чевенгур"), Чиклин тоже пошел за трудящимися; У лампы сидел активист за умственным трудом ("Котлован"). Такие замены характерны и для речи персонажей: "Не буди население, завтра питание возьмешь" ("Чевенгур"), - Здравствуй, товарищ актив! - сказали они все сразу. - Привет кадру! - ответил задумчиво активист... ("Котлован").

Из ряда возможных обозначений выбирается, так сказать, наиболее ученое. Для этих же целей слово заменяется описательным оборотом, который содержит слово того же корня: вместо готовность - готовое настроение; ... ближние же ко крыльцу глядели на руководящего человека со всем желанием в неморгающих глазах, чтобы он видел их готовое настроение ("Котлован"); вместо пронизательно - с пронизательным сознанием: Активист улыбнулся с пронизательным сознанием ("Котлован"). И, напротив, канцеляризм вытесняет описательные обороты: они увидели там отсутствие людей ("Усомнившийся Макар").

Таким образом, новые сочетания строятся так, что напоминают в большей или меньшей степени об исходных. Рассмотренные приемы взаимодействуют друг с другом и образуют разные типы кон-

текстов, которые отличаются друг от друга концентрацией необычных сочетаний. Количество необычных сочетаний в прозе Платонова постепенно нарастает. Их концентрация особенно велика в "Сокровенном человеке", "Котловане", "Чевенгуре", "Ювенильном море". В более поздних вещах она идет на убыль.

А.Платонов опирается не только на определенные словосочетания и модели, но и на общезыковые закономерности, которые приобретают у него необычный вид. Уже в ранних произведениях определяется пристрастие писателя к антропоморфным метафорам. На ранних метафорах лежит явная печать традиции: Он лежал у окна и смотрел в небо на улыбающиеся звезды, на затаившуюся ждущую ночь ("Маркун"), И вечер, кроткий и ласковый, близко принимал к домам... ("Потомки солнца"). Позже эта печать стирается, и антропоморфные метафоры Платонова приобретают необычный характер: хилое, потеплевшее небо ("Сокровенный человек"), Звезды увлеченно светились, но каждая - в одиночестве ("Чевенгур").

Отвлеченные понятия овеществляются. Некоторые из них приобретают вещественные соответствия, имеющие параллели у других писателей: Резким рубящим лезвием вцепилась догадка в мозг Перри... ("Епифанские шлюзы"). Отвлеченные существительные черпаются из необычного круга слов: это общественно-политическая терминология (революция, социализм, коммунизм): Черты его личности уже стерлись о революцию ("Чевенгур"). Необычны и вещественные существительные, прежде всего слово вещество, которое входит в разные сочетания: вещество существования, вещество пользы, вещество жизни; ср.: ...ни разу Захар Павлович не ощутил времени, как встречной твердой вещи; Он увидел, что время - это движение горя и такой же ощутительный предмет, как любое вещество, хотя бы и негодное в отделку; горе во мне живет, как вещество ("Чевенгур"). Характерные для Платонова слова ум, память, обозначения чувств сочетаются с глаголами конкретного действия: шеев... усердно пробираясь сквозь собственную память ("Чевенгур"), Поп сложил горечь себе в сердце и охотно ответил ("Котлован").

Рассмотренные приемы распространяются и на еще один источник языка Платонова - публицистическую и канцелярско-деловую фразеологию. В прямом или деформированном виде она перенос-

сителя и в речь повествователя, и в речь персонажа. В литературе 20-х гг. определилось два отношения к этой фразеологии — ироническое и серьезное. И то и другое отражено в произведениях Платонова. Для персонажа использование канцелярских и публицистических формул — это движение от его исконного языка к новому, газетно-деловому. Газетная, деловая фразеология была насаждаема как авторитетное слово, и приобщение к ним — осознается как приобщение к культуре. Освоение нового чужого языка — одна из тем не только Платонова, но и других писателей 20-х гг. Разнообразные искажения и контаминации, которые возникали при этом, — естественное следствие "борьбы с языком" и борьбы за язык, как характеризовал этот процесс Л.Л.Боровой (Боровой 1966). Платонов фиксирует рождение мысли из чужих слов: ...в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма ("Котлован"). Общественно-политическая терминология становится основой тропов: Чепурный, наблюдая заросшую степь, всегда говорил, что она тоже теперь есть интернационал злаков и цветов... ("Чевенгур"). В то же время газетные метафоры понимаются буквально, возрождается их вещественная основа: Чтобы текущие события не утекли напрасно; момент, а течет, представить нельзя; ...где бы он мог строить социализм ручным способом и смог бы довести его до видимости всем ("Чевенгур"), значит, вы не стоите со столбовой дороги в социализм?! ("Котлован").

Существующие в языке системные отношения в прозе Платонова перестраиваются. Сочетаемость некоторых слов расширяется. Слова с ограниченной сочетаемостью приобретают более широкую: Но Петр держал свое размышление вперед, не отлучаясь ни на что ("Усомнившийся Макар"), не отлучаясь взором от работающего воробья ("Чевенгур"). Слова с ограниченной сочетаемостью вытесняют слова с более широкой сочетаемостью. Например, вместо слова чистый употребляется слово чистоплотный: чистоплотные лица святых ("Котлован"), чистоплотные руки ("Чевенгур"), лица у всех чистоплотные, несколько новых чистоплотных домов ("Усомнившийся Макар"), соответственно вместо грязный — слово нечистоплотный: нечистоплотный волос ("Ямская слобода").

Слова с ограниченной сочетаемостью употребляются и в обычных для них контекстах, и в необычных. Слово порожний исполь-

зуются, с одной стороны, в сочетаниях: молочные банки... они порожние, их выпили — он попал на порожнюю цистерну ("Усомнившийся Макар"), с другой стороны, в сочетаниях с существительными, с которыми обычно сочетается прилагательное пустой: порожняя комната, порожнее место, порожняя земля, порожняя степь, порожняя голова.

Сочетаемость синонимов в известной степени выражается. Синонимы употребляются одновременно, по отношению к одному и тому же предмету речи: Ни один мешочник в порожни длинный поезд так и не попал. ... — А он же порожняком, — все едино — дупить будет! — спорили худые мужики. — Командарму пустой поезд полагается по приказу! — объясняли красноармейцы из охраны ("Сокровенный человек"), солнце освещало всю порожнюю степь, где не было пока никакого противника — собака все время молчала перед пустой степью; безлюдный Чевенгур, тихий и пустой, страшный — в Чевенгуре ведь тоже приятно! — Город порожний ("Чевенгур"). Слова пустой и порожний характеризуют и внутреннюю жизнь человека: Сколько он ни читал и ни думал, всегда у него внутри оставалось какое-то порожнее место — та пустота, сквозь которую тревожным ветром проходит неописанный и нерассказанный мир ("Чевенгур"). Сочетаемость слова пустой в свою очередь расширяется, так что слово превращается в универсальную характеристику: пустая бомба, пустая свобода, пустые остановившиеся ноги, пустое время, пустой погребенный мир, пустое сердце, свободные и пустые сердцем и т.п.

Ряд общеупотребительных сочетаний со словом пустой переосмысливается — умная голова, только руки пусты; А я не думаю, товарищ Чумовой. Я человек пустой ("Усомнившийся Макар"), Большевик должен иметь пустое сердце, чтобы туда все могло поместиться ("Чевенгур"). В необычные сочетания включается прилагательное опорожненный: неясная луна выявилась на дальнем небе, опорожненном от вихрей и туч, на небе, которое было так пустынно, что допускало вечную свободу... ("Котлован"), опустошенный: В природе отходил в вечер опустошенный летний дань ("Котлован"), пустопорожний: пустопорожнее место ("Котлован").

Языковые антонимы перераспределяются так, что возникают новые пары. Два соотнесенных отрывка из романа "Чевенгур" со-

держат две пары языковых антонимов: мелкий – крупный, маленький – огромный, но отношения между ними перестроены: мелкий – огромный, маленький – крупный: Прошка уходил все дальше, и все жалостней становилось его мелкое тело в окружении улегшейся огромной природы – Захар Павлович никак не мог забыть маленького худого тела Прошки, бредущего по линии в даль, загроможденную крупной, будто обвалившейся природой. Более сложная картина – в рассказе "Усомнившийся Макар", где языковое противопоставление умный – глупый имеет несколько соответствий. У одного из героев умная голова, только руки пустые – у другого была, по заключению товарища Чумового, порожняя голова – имея порожнюю голову над умными руками – Макар действовал своими умными руками и безмолвной головой – стихийная твоя голова – любопытные руки над неощутимой головой, у Макара были только грамотные руки, а голова нет.

Смысловый объем слова в прозе А.Платонова неустойчив, подвижен и зависит от контекста. Одно и то же слово в разных сочетаниях имеет разные соответствия в литературном языке. Повторяющееся слово неизвестный означает и незнакомый, и непонятный: Шел он сквозь село ради встречи неизвестных машин и предметов ("Чевенгур"), из полуоткрытых бледных глаз выходили редкие слезы – он сновидения или неизвестной тоски ("Котлован"). Смысловое наполнение слова меняется в рамках небольшого отрезка текста. Слово смысл, повторяющееся в небольшом фрагменте романа "Чевенгур", в одном случае означает пользу, в другом – цель: Он уважал величественное, если оно было бессмысленно и красиво. Если же в величественном был смысл, например, – в большой машине, Копенкин считал его орудием угнетения масс и презирал с жестокостью души...; Хорошо было, что та девушка, которую носили эти ноги, обращала свою жизнь в обаяние, а не в размножение, что она хотя и питалась жизнью, но жизнь для нее была лишь сырьем, а не смыслом, – и это сырье переработалось во что-то другое, где безобразно-живое обратилось в бесчувственно-прекрасное ("Чевенгур"). Судя по характеру употребления его производного бессмысленно: И им обоим стало бессмысленно стыдно ("Котлован"), слово смысл может обозначать и причину.

Влияние контекста на смысл слова имеет разные проявления. Для Платонова характерны указания на объем понятия – расшиф-

ровка смысла, который вкладывается в соответствующее слово: Наблюдая живое пламя, Захар Павлович сам жил - в нем думала голова, чувствовало сердце, и все тело тихо удовлетворялось ("Чевенгур"), они еще не знали ценности жизни, и поэтому им была неизвестна трусость - жалость потерять свое тело ("Сокровенный человек"), дом должен быть населен людьми, а люди наполнены той излишнею теплотой жизни, которая названа однажды душой ("Котлован"). На смысловой объем слова указывает характер противопоставлений, в которые оно включается. В отрывке из "Сокровенного человека": ...нельзя жить зря и бестолково, как было раньше. Теперь наступила умственная жизнь, чтобы ничто ее не замусоривало - слово умственный при соотношении с другими членами противопоставления приобретает значение сознательный.

В основе необычной сочетаемости в языке А.Платонова - разрушение иерархических отношений между словами-понятиями и установление новой иерархии. За необычной сочетаемостью стоит своеобразная философия писателя (Толстая-Сегал 1979). Ключевые слова прозы Платонова: жизнь, пространство, время, природа, ум, душа, сердце, сила, тоска, которые выделили разные исследователи (Л.Шубин, С.Бочаров, Ю.Карякин и др.) не только многократно повторяются, но и вступают в необычные отношения с другими словами и друг с другом. Необычная сочетаемость меняет природу некоторых представлений: Ворота деспотии были открыты в вечернее пространство лета; прочно успокоившееся пространство смертельной жары ("Чевенгур"). Разные семантические поля разомкнуты и обращены друг к другу. Это обнаруживается в своего рода художественных определениях, основанных на уподоблениях и отождествлениях: свою будущую жизнь он раньше представлял синим глубоким пространством - таким далеким, что почти несуществующим ("Чевенгур") или отождествлениях, осложненных противопоставлениями: Тебе говорят, что война это ум, а не драка ("Сокровенный человек"), И время прошло скоро, потому что время - это ум, а не чувство ("Чевенгур").

Некоторые противопоставления приобретают устойчивый характер. Например, варьирующееся противопоставление думать - действовать, работать: ... Если все мы сразу задумаемся, то кто действовать будет? - Без думы люди действуют бессмыслен-

но ("Котлован"), ... всю жизнь либо бил балдой, либо рыл лопатой, а думать не успевал; Грамотный умом колдует, а неграмотный на него рукой работает ("Чевенгур").

Несоответствие представлений Платонова и его персонажей общепринятым в разной степени проявляется в словах разных лексико-семантических групп. Особый интерес представляет соотношение слов мысль и чувство, разные типы сочетаний обнаруживают его противоречивость. С одной стороны, для Платонова характерно устойчивое противопоставление думать - чувствовать: Думать он мог с трудом и сильно тужил об этом - поневоле ему приходилось лишь чувствовать и безмолвно волноваться ("Котлован"), ср. Лишь слова обращают текущее чувство в мысль, поэтому размышляющий человек беседует ("Чевенгур"). С другой стороны, как отмечали исследователи, слова ум, чувство, сердце, душа, память осознаются как семантически близкие. Их сближение проявляется в разных типах сочетаний. Слово, которое вступает в обычное сочетание с одним из этих слов, с другим вступает в необычное сочетание. Иногда исходная модель присутствует непосредственно в тексте: Лишь в одной маленькой женщине по имени Заррин-Тадж ум бился наравне с сердцем, и она не спала ("Такыр"), ср. биение жизни ("Котлован"), биение души. В других случаях исходный оборот только угадывается: Чувства о Розе Люксембург так взволновали Копенкина, что он опечалился глазами ("Чевенгур"). Обычная связь мысль-голова, чувство-сердце разрушается и заменяется иной: Инне, склонившись, стучали себе в грудь и слушали свою мысль оттуда. Но сердце билось легко и грустно, как порожнее, и ничего не отвечало ("Котлован"), Мысль у пролетария действует в чувстве, а не под плешью ("Чевенгур"). Соответственно, слова, принадлежащие к разным лексико-семантическим группам, вступают в сочетания друг с другом, имеющие разную степень сложности: ощущающий ум, почувствовав мысль и одиночество, душевный смысл ("Котлован"), бессознательное сердце ("Чевенгур"), Чиклин, не рдея ни птиц, ни неба, не чувствуя мысли, грузно разрушал землю ломом... ("Котлован"), Захар Павлович думал без ясной мысли, без сложности слов, - одним нагревом своих впечатлительных чувств, и этого было достаточно для мучений; Он всегда воображал что-нибудь чувством, и это вытесняло из него представления о самом себе... ("Чевенгур"), Нур-Мухаммед от-

ветил Назару, что сердце народа выболело в нужде, ум стал глуп и потому свое счастье ему чувствовать нечем ("Джан"), скорбеть влекущей мыслью ("Город Градов"), надежда мысли ("Котлован").

Слова разных лексико-семантических групп приобретают одинаковую сочетаемость, не характерную ни для одной из этих групп: Чепурный положил голову и слушал внимательным умом; И никто, даже Чепурный со своим слушающим чувством, не знал...; До революции Копенкин ничего внимательно не ощущал - леса, люди и гонимые ветром пространства не волновали его, и он не вмешивался в них ("Чевенгур").

Слова, обозначающие мыслительную деятельность человека, вытесняют слова, обозначающие чувство: он познал в себе доброту к трудящимся ("Котлован"). Параллелизм между умом и чувством устанавливается и в сочетаниях, где их характеризуют не повторяющиеся слова, а синонимы и квазисинонимы: Перри одичал сердцем, а мыслью окончательно замолчал ("Ефифанские шлюзы"), Он знал, как обессилел его ум в молчании, в скрытности, в сдержанности, как оробело его сердце в скромности и страхе ("По-небу полуночи").

"Странный" язык А.Платонова возникает как преобразование общего языка, в центре внимания писателя общеупотребительное слово. Ломая устойчивые связи между словами, разрушая их автоматизм, Платонов создает новые связи, перестраивая существующую систему представлений. Язык Платонова менялся. В таких вещах, как "Ямская слобода", "Сокровенный человек", "Котлован", "Чевенгур" повествователь предстает философом-самоучкой, который ищет и вырабатывает язык для выражения сознания и внутреннего мира людей, которые не имеют слов для передачи своих чувств и мыслей. В поздних произведениях язык прозы А.Платонова значительно более классичен, но и в этом классическом языке сохраняются специфические слова и обороты.

Литература

Боровой Л.Я. Язык писателя. - М., 1966

Бочаров С.Г. "Вещество существования". Выражение в прозе // Проблемы художественной формы социалистического реализма. - т. П. - М., 1971

Свительский В.А. Конкретное и отвлеченное в мышлении А.Платонова-художника // Творчество А.Платонова. - Воронеж, 1970

Толстая-Сегал Е. Натурфилософские темы в творчестве Платонова 20-х - 30-х гг. // Slavica Hierosolymitana. - vol. IV. - Jerusalem, 1979

Литература

- Гвоздев 1961 - Гвоздев А.Н., Вопросы изучения детской речи. М., 1961, с. 471.
- Гвоздев 1981 - Гвоздев А.Н., От первых слов до первого класса (дневник научных наблюдений). Саратов, 1981, 323 с.
- Дресслер 1982 - Dressler W., On Word Formation in Natural Morphology // International Congress of Linguists, 13th. Tokyo, 1982.
- Земская, Китайгородская 1984 - Земская Е.А., Китайгородская М.В., Наблюдения над просторечной морфологией // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., "Наука", 1984, с. 66-104.
- Олмстедт 1982 - Olmsted H.M. Diminutive Morphology of Russian Children. A Simplified Subset of Nominal Declension in Language Acquisition. Harvard College Library, 1982.
- Панов 1990 - Панов М.В., История русского литературного произношения XVI-XX вв. М., "Наука", 1990.
- Цейтлин 1989 - Цейтлин С.Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка). Автореф. докт. диссер., Л. 1989, 32 с.
- Язык и личность 1989 - Язык и личность. М., "Наука", 1989.